

душа вашего под- рост- ка

Священник Петр Коломейцев
Психологи Валентина Казанская
Петр Дмитриевский
Педагог Владимир Стелов
Социолог Мария Слипка

гид-антистресс
для родителей

**Валентина Георгиевна Казанская
Мария Ивановна Слипка
Петр Леонидович Коломейцев
Петр Витальевич Дмитриевский
Владимир Сергеевич Стрелов**

**Душа вашего подростка. Гид-
антистресс для родителей**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29813037

*Душа вашего подростка. Гид-антистресс для родителей /
Дмитриевский П. В., Казанская В. Г., Коломейцев П., свящ., Слипка М.
И., Стрелов В. С. Худож. Е. Ватель: Никей; Москва; 2016
ISBN 978-5-91761-563-9*

Аннотация

Подростковый возраст – время взросления, важный этап формирования личности, который ставит перед родителями множество вопросов: что происходит в организме подростка, в его психике и душе. Мы склонны сравнивать своих детей с собой в том же возрасте, не учитывая, что современные подростки отличаются от нас, выросших в 70—90-е годы XX века. Авторы книги – врачи, психологи, педагог и священник – постарались дать родителям представление о содержании этого этапа развития

подростающего человека с учетом реалий современной жизни и актуальных проблем сегодняшнего дня.

Содержание

Введение	6
Подросток глазами священника	11
Глава 1	12
Выходящий в мир	12
Время равноправных уважительных отношений	15
Рождение родительского авторитета	18
На стороне подростка: как сохранить контакт	23
Воровство	27
Зачем подростки врут	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Священник Петр
Коломейцев, Валентина
Георгиевна Казанская,
Петр Витальевич
Дмитриевский, Владимир
Сергеевич Стрелов,
Мария Ивановна Слипка
Душа вашего подростка.
Гид-антистресс
для родителей**

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р16-601-0028*

Введение

Иерей Петр Коломейцев

Подросток... Когда мы произносим это слово, в нашем воображении возникает трогательный образ: уже не ребенок, но еще не взрослый. В нем уже пробудилось желание самостоятельности и настоящей взрослости, стремление выйти из-под родительской опеки и в то же время сохранилось что-то незавершенное, хрупкое. Как в ростке, развитие которого сложно предугадать. Его может придавить камнем, и он вырастет искривленным. И даже потом, когда мы уберем этот камень, он выпрямится, но не до конца, искривление так и останется в нем.

Подросток все еще чувствует себя центром вселенной, как маленький ребенок, считающий, что мамы, папы и бабушки вращаются вокруг него и созданы, чтобы о нем заботиться. Но вопросы, с которыми он начинает сталкиваться, уже вполне взрослые: он задумывается как о смысле жизни вообще, так и о смысле своей собственной жизни, он определяется, что будет считать добром, а что злом, он ищет свое призвание. Подростку приходится принимать решения, которые определяют всю его будущую жизнь – какой выбрать вуз, с кем заводить отношения, поэтому он убежден, что занят самыми важными в мире вопросами, что всё вокруг – о

нем и для него.

И в каком-то смысле он прав, ведь подросток, как Адам, смотрит на мир впервые. Ребенком он принимал все как должное, безоценочно, включая взгляды и оценки родителей, а теперь на каждый вопрос ищет свой собственный ответ. Любое явление, любое мнение, любой человек будет им взвешен и оценен: «С этим я соглашаюсь, с этим – нет. Это я принимаю, а это мне не подходит».

Так начинается самый важный период в жизни человека, но еще и самый трудный – и для него самого, и для родителей. Все, что он делает, он делает впервые, у него нет опыта. Он растет, но он не знает, во что он вырастет. Он стремится, но не знает куда. Он хочет быть, но не знает кем. У него есть только этот жгучий порыв. Он будто бы всем показывает, что не нуждается в опеке, что он вообще ни в чем не нуждается – только в свободе. Ведь только в состоянии полной свободы можно понять, кто ты, только в полной тишине можно услышать голос собственного «Я».

Но не только в свободе нуждается подросток, еще больше ему необходимы внимание, помощь, а самое главное – любовь. Тут-то и возникает противоречие, потому что взрослым кажется, что близость между ними и ребенком кончилась. Подросток становится грубым, непослушным, упрямым, старается отмахнуться от родителей, как от назойливых мух. Он от всех дистанцируется, старается быть не таким, каким его хотят видеть взрослые. Взрослым кажется,

что самое главное, чего хочет подросток, — чтобы от него наконец отстали. Нет уже того нежного и милого чада, которое нуждалось в родителях и по каждому поводу призывало их.

Как родителям догадаться, что именно сейчас подросток испытывает острую потребность в понимании и очень мудром руководстве? Таком руководстве, которое ничего не навязывает, а действительно помогает. Подросток как бы просит: «Помоги мне сделать это самому». Несмотря на его ершистость, он продолжает нуждаться в любви, потому что на самом деле он еще не вырос. В нем много неуверенности, тревоги, чувства одиночества. Он выходит за пределы семейного круга, но, чтобы смело выйти, нужно быть уверенным, что за спиной надежный тыл. И если семья для подростка и правда безопасное место, где можно отдохнуть и набраться сил, тогда родители помогут ему вырасти, научат уверенности и взрастят умение самому находить безопасную гавань внутри себя.

Родительская любовь должна быть безусловной, когда любят не за что-то конкретное, а всегда, вопреки всему и без сиюминутных причин. Не за то, что ты послушный. Не за то, что ты делаешь уроки. Безусловная любовь — это когда тебя любят за то, что ты есть, и принимают таким, какой ты есть. Подростку очень важно почувствовать, что он остается ценным для родителей, просто потому что он — это он.

Так любить подростка сложно. Для этого надо попытаться увидеть в нем ту личность, того человека, который задуман

Богом. Как помочь раскрыться именно этой неповторимой индивидуальности? Родителям кажется, что подросток отбивается от рук, а он всего-навсего хочет быть самым собой, хочет проявить свою индивидуальность. Он бунтует, когда родители пытаются сделать из него кого-то, кем он не является, когда в нем пытаются воплотить свои планы и амбиции. Он борется, но не против родителей, а за самого себя. Вот почему, возможно, лучший способ проявить свою любовь – держаться на некоторой дистанции, не спрашивать, особенно если подросток не в настроении делиться, не навязывать своих рассуждений, не входить в комнату без стука. Родитель как бы создает невесомый кокон бережного уважения, в котором подросток чувствует себя одновременно и свободно, и спокойно.

Этот период может быть полон больших разочарований, большого недовольства собой, больших неудач. Но также он может стать и источником больших открытий, душевного роста, удивительного познания подростком самого себя. А еще подростковый возраст может стать огромным сюрпризом для родителей. Именно в этот период они обнаруживают, кого именно, что за личность, что за человека вручил им Господь для воспитания.

Родительская гордость за свое чадо – это не гордость за плоды своих трудов. Родительская гордость – это гордость за чадо, которое доверено им Господом. Нужно уметь смотреть на ребенка не как на свое продолжение и объект твор-

ческих усилий, а как на суверенную богоданную личность. Смотреть и видеть. Видеть, что вложено в него от Бога, понимать его стремления, заблуждения, его боль, тревогу, его нужду. Нужно суметь увидеть его душу и полюбить – ни за что, без всяких условий.

Подросток глазами священника

*Иерей Петр Коломейцев,
декан психологического факультета
Российского православного университета*

Глава 1

Человек становится человеком... в семье

Выходящий в мир

Подростковый период – трудное время, когда рождается новый, взрослый человек. У нас, людей, иной, отличный от животных, тип приобретения, наследования своей человечности и своей человеческой психики. Мы получаем их, обучаясь. Бог сделал для человека исключение, открыв ему этот удивительный путь – путь, который дает нам возможность развиваться. Если поведение животных, их способность ориентироваться в окружающей ситуации заложены в генах как некая программа действий, превышающая их разумение, но необходимая для выживания, то человеку нужен пример наставника, учителя и возможность наблюдать за тем, что происходит в мире людей.

Мы еще помним времена, когда в школе макали перо в чернильницу, писали перьевыми ручками, а современные дети зачастую сразу учатся набирать текст на компьютере и только потом берут в руки ручку. Человеку, чтобы научиться писать, не нужны гусиные перья – люди не привязываются

к привычным материальным формам. Мы умеем приспособливаться к новым обстоятельствам и иной среде обитания. Человек создает себе эту среду сам: на Земле, на Луне, на Марсе, под водой, под землей – где угодно. Причем именно такую среду, какая ему нужна.

Благодаря этой способности возможен прогресс и внутреннее развитие. Животное неотделимо от места его обитания, в его природу заложена способность адаптироваться только к определенным условиям. Если среда меняется, животное вымирает: если в привычном месте не оказалось глины, то ласточке не из чего строить гнездо. А с людьми не так... Человек напоминает относительно белый лист, который можно заполнить самой разной информацией.

Очень-очень многое из того, что человек наследует, и прежде всего свои чисто человеческие качества, он приобретает на более высоком уровне, чем уровень инстинкта. Например, «основной инстинкт» у человека отсутствует, во всяком случае, в том виде, в каком он есть у животных. Есть влечение, выбросы адреналина, гормоны и тому подобное, но сама репродуктивная активность как модель поведения, которой он послушно, как робот, обязан следовать, – такое устройство психики человеку несвойственно. У нас нет родительского инстинкта как природной потребности – непременно продолжить свой род и распространить свое семя, свое потомство в веках и народах. Люди часто обижаются, когда слышат эти слова, но на самом деле отсутствие тако-

го инстинкта – хорошая новость! Этот факт вовсе не означает, что родители не любят своих детей. Наоборот, они их любят! Было бы ужасно, если бы наша любовь к детям оказалась лишь инстинктом, производной действия гормонов.

У человека, в противоположность родительскому инстинкту, есть родительское чувство, но оно воспитывается, ему обучаются. Самый яркий пример: детям, которые выросли в детдомах, часто трудно даются близкие, доверительные отношения со своими детьми и супругами, ведь такого опыта в их жизни не было. И вообще, о каком инстинкте можно говорить, если в нашем человеческом обществе существует практика аборт, детские дома и многое другое?!

Чтобы унаследовать, перенять до конца свою человечность, человеку нужен дополнительный период развития – от рождения до переходного возраста, пубертата. Семья становится той обучающей средой, механизмом, обеспечивающим передачу наследования человечности, который защищает, питает и «донашивает» человека после рождения.

Со стороны родителей условия для передачи наследования человечности обеспечивает такой «механизм», как любовь. А дети усваивают эту человечность благодаря чувству привязанности. Это очень сильное чувство. В трудных ситуациях ребенок всегда кричит: «Мама!» – даже в детских домах. Больше того, там дети живут в ожидании и надежде, что мама и папа скоро найдутся, они где-то рядом и в конце концов придут. Детям присуща привязанность и потребность в

родительской любви.

Но вот наступает пубертат, и родители, привыкшие находиться в тесной связи с ребенком, впадают в состояние шока. Им кажется, что их чадо подменили! Вдруг ни с того ни с сего подросток начинает отталкивать семью. На самом деле в этом нет ничего странного. Закончился тот период, когда ребенок получал уроки человечности от своей семьи. Теперь ему, и только ему предстоит превратить характер в личность. И в основе этой развивающейся личности лежит свободный выбор, за который человек отныне отвечает сам.

Самостоятельный выход из семейной «утробы» в мир собственных выборов и решений – необходимый, закономерный процесс, потому что иначе человек не сможет реализоваться и создать новую семью. *Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть* (Быт. 2: 24). Это закон Божий, закон библейский, который вошел в самую нашу жизнь, в самую нашу природу.

Время равноправных уважительных отношений

Подростковый период – время, когда рушатся прежние отношения ребенка с родителями. Слепая привязанность и слепая любовь исчезают, ребенок больше не желает просто повиноваться отцу и матери. Более того, у него возникает еще и критическое отношение к ним.

Диалог с подростком:

– А почему я должен вас слушаться?

– Потому что тебе мать и отец так говорят.

– Нет, вы объясните мне, почему я должен слушаться?

– Ну, мы старше, мудрее, в жизни многое повидали. У нас есть опыт, которого нет у тебя.

– А почему вы думаете, что ваш опыт и мне нужен?

Ребенок переоценивает авторитеты, которые до сих пор не подвергал никакому сомнению. Отношения в семье начинают перестраиваться, и процесс этот часто проходит непросто и болезненно, особенно если до этого момента родители относились к ребенку как к части самих себя, а не как к самостоятельной личности. Теперь родителям придется общаться со своим ребенком на равных.

Кем являются для ребенка «предки»? «Молотком», который висит над головой и время от времени стучит по ней, или это люди, с которыми можно советоваться и что-то обсуждать? Принято ли в наших отношениях предлагать ребенку: «Смотри, как интересно! Давай поразмышляем об этом»?

Есть дети, которые с большой благодарностью говорят о том, что родители передали им нечто ценное. Например, свой вкус.

Мой сын с удовольствием вспоминает, что я познакомил его с такими рок-группами, как «Кинг Кримсон», «Джентл Джайэнт», «Генезис», «Пинк Флойд». Он пошел дальше и

позже стал знакомить меня уже с джазом. Но начался наш обмен с моего шага. И когда я подарил ему два билета на концерт «Кинг Кримсон», он сказал: «Папа, я только одного человека могу взять с собой на этот концерт – тебя».

Сам я благодарен своему отцу за то, что он открыл для меня импрессионистов. Мне было 11 лет, и я был готов кричать, когда после многих часов хождения по залам Эрмитажа он потащил меня на третий этаж. Сгоряча я сказал, что эту мазню смотреть ни за что не буду, но он все же настоял и попытался объяснить мне, что же это за искусство. В результате именно эти полотна мне запомнились ярче всего. Большие того, эти впечатления привели меня к открытию мира живописи. Правда, приятно, когда такое случается?

Замечательно, если ребенок становится для родителей экспертом в какой-то области, если родные ему говорят: «Ну, ты в этом разбираешься лучше нас». Для подростка этот «статус» означает, что к нему прислушиваются, что его личность вызывает уважение.

Помню, как-то сын поставил мне послушать одну музыкальную композицию. Я послушал и говорю: «Я слышу два ритма. Момент, когда они совпадают, звучит потрясающе!» К моему удивлению, сын в ответ кинулся мне на шею: «Папа, наконец-то ты услышал!» Как он был рад, что музыкальные тренировки, которые он проводил со мной, дали, наконец, плоды.

Итак, старые отношения рушатся, а новые строятся на более равноправной основе. Мы интересуемся вкусами своих детей, а они – нашими. Происходит взаимный обмен, взаимное обогащение. И это замечательно.

Рождение родительского авторитета

Уважение к родителям, почтение, благодарность – все эти качества мы, конечно, хотели бы привить своим детям. Что может этому помешать?

Часто выходит, что весь опыт взрослых служит не для того, чтобы помочь подростку разобраться в ситуации, а чтобы поставить ему на вид, осудить, показать ему, как он неправ. Даже если подросток внимательно выслушает наши замечания и примет их к сведению, чем они ему помогут? Ценно, когда жизненный опыт родителей обслуживает другие цели – показывает, как можно исправить ситуацию, как себя вести, чтобы в дальнейшем ее не допустить. Хорошо, когда опыт старших приносит добрый плод, когда им можно как-то воспользоваться! Например, мы можем рассказать ребенку о каких-то своих ошибках и поделиться сделанными выводами. Тогда подростку будет ясно, что он не первый проходит путь взросления, он не первым из людей пытается научиться контролировать собственное поведение и поступки. И до него были люди, которые сталкивались с похожими проблемами и находили средства для их решения. Нам, взрослым, надо

делиться с детьми пережитым опытом. Если мы этого не делаем, в сознании подростка складывается такая картина: был мир, планета, на ней жили люди и все всегда поступали правильно. И родители тоже всегда поступали правильно: «Я в твои годы...» И вот в этом замечательном мире, где никто никогда не ошибался, никогда не совершал ужасных поступков, появился он, наш подросток, и все испортил. Он – черное пятно! Он позорит свой род! Весь род людской!

Мы, родители, плохо помним себя в подростковом возрасте. Или не хотим помнить. Но иногда, слушая рассказ ребенка о каком-то происшествии, мы можем вдруг задуматься и сказать: «Слушай, а со мной тоже такое было. И я тогда тоже поступил не лучшим образом!» Если взрослые начинают вспоминать себя, свои ошибки молодости, им становится ясно, что подростка не стоит ругать – ему надо помочь. Когда ребенок видит, что ошибки на самом деле бывают у всех, даже у родителей, у него возникает совсем другая картина мира. «У меня в детстве был такой же случай. Меня вообще из школы выгоняли, но я в конце концов как-то справился...» – говорит папа своему сыну. Этот простой диалог сразу по-другому расставляет акценты. Остаются те же самые ужасные события, но отношение к ним меняется кардинально, и самое главное – появляется надежда, что все уладится. Кроме того, наш подросток понимает, что у родителей есть ценнейший опыт, как выбираться из самой-самой страшной ямы, и их авторитет только растет.

К сожалению, родители убеждены, что главное в воспитании детей – защитить свой авторитет. Его подрыв, по их мнению, – конец любому воспитанию. А потому они изо всех сил стараются держать свой «фасад», чтобы ребенок постоянно чувствовал себя, как муха в стерильном пространстве. И ребенок, в соответствии с их требованиями, должен быть таким же кристально чистым. А если он совершает ошибку – все, дальше пути нет. Чему учит подростка такая «стратегия»? Только тому, что он – ужасный человек. В итоге складывается странная картина: родители – пример для ребенка, но научить его, как выходить из трудной ситуации, они не могут.

Ребенок часто чувствует себя виноватым. Даже за то, в чем он не виноват. Кажется, в чем тут логика? Но ребенку логика не нужна: он просто так себя чувствует. Родители поссорились – и кто виноват? Он решает: «Это все из-за меня». Потому что родители не могут ошибаться, они всегда правы, невозможно даже представить себе, чтобы кто-то из них попросил у другого прощения. Часто считается, что просить прощения – это неприлично и непедagogично. Таким образом, в ссорах между родителями, во всяком скандале, во всем, что происходит плохого в доме, неумолимо оказывается виноват ребенок.

И все же как священник могу сказать, что в последнее время некоторые родители стали просить прощения у своих детей. И сам факт такого родительского обращения произво-

дит на детей очень сильное впечатление.

Митрополит Антоний Сурожский говорил: «Хорошо, когда между детьми и родителями такие отношения, когда дети сознают, что они перед лицом Божиим на одном уровне с родителями и что нет двух лагерей: родители плюс Бог – и они, несчастные.

Владимир Николаевич Лосский¹ жил напротив нас в Париже. И мне вспоминается: я как-то пришел в воскресное утро, чтобы идти в церковь, и стоят четверо детей, стоит Владимир Иванович, стоит его жена, подходят к каждому из них, кланяются в ноги и просят прощения, объяснив им сначала, что они хотят оба причащаться, если дети их не могут простить, они не могут получить разрешительную молитву от священника. И у детей было такое чувство, что они на равных началах не в порядке семьи, где они должны слушаться родителей, а в порядке высшем, что Бог общий, что они все, взрослые и дети, равны перед Богом, что родители тоже могут быть виноваты и что они зависят от прощения детей столько, сколько дети зависят от прощения родителей».

В то же время часто бывает, что люди говорят близким: «Ты меня прости за все, за все». И тогда сильный сердечный порыв сводится к разговору ни о чем, к простой формальности, поэтому нужно обязательно назвать свою оплошность,

¹ Владимир Лосский – богослов «парижской школы» богословия, деятель русского зарубежья.

чтобы и родитель, и ребенок понимали, о чем именно идет речь. Только в том случае, если мы по-настоящему просим прощения, между нами могут сохраниться добрые отношения.

С духовной точки зрения стремление родителей во что бы то ни стало создать безупречный образ себя можно понять как гордыню, а кроме того – как проявление страха и неверия в то, что все преодолимо с Божьей помощью, если есть в нас покаяние. Один мальчик плохо себя вел почти сорок лет, а его мама все молилась и молилась за него – и вымолила, он стал святым, звали его Августин Блаженный. Его мать тоже причислили к лику святых – за веру и неустанные молитвы. Другой хорошо известный нам пример – Мария Египетская. Казалось бы, ее положение было ужасающе печальным, а теперь она имеет в Церкви колоссальный духовный авторитет!

Настоящий родительский авторитет не надо создавать, а потом поддерживать. Он рождается сам, без специальных усилий, когда ребенок видит, что в отношении родителей друг к другу присутствует уважение, что они берут на себя ответственность за свои поступки и не боятся признавать свои ошибки.

Признание своей ошибки, своей неправоты – это не слабость родителей, а сила. Сила всегда внушает уважение, но она состоит не в том, чтобы отпираться. Она заключена в признании ошибки и желании ее исправить. Эта отвага взрослого – огромная поддержка для подростка. Раз взрос-

лые могут делать ошибки, то он, подросток, тем более. Он понимает, что в ошибках не страшно признаваться, их можно исправлять, они прощаются и, главное, они не отнимают уважения к его личности.

На стороне подростка: как сохранить контакт

С подростками часто случаются всякие неприятности – большие и маленькие. Очень важно при любых обстоятельствах оставаться на стороне своего ребенка и только из этой позиции искать причину возникающих проблем. Если подросток не будет верить в наше сочувствие и понимание, он рискует оказаться в очень опасной ситуации.

Подросток перестал ходить в школу. Каждое утро он вовремя выходил из дома и так же вовремя возвращался, а весь учебный день проводил где придется. Он сам ставил себе в дневнике оценки, записывал задания. Когда родители узнали о прогулах и начали выяснять причину, оказалось, что всему виной парень-старшеклассник, который невзлюбил нашего героя и избрал его своей жертвой. Вместе со своими приятелями он подкарауливал мальчика и регулярно его избивал.

Вместо того чтобы привлечь родителей на свою сторону, ребенок создал целую систему лжи, потому что был абсолютно уверен: эта ситуация не решится в его пользу. Когда родители потребовали у сына объяснений, он не смог им

ничего рассказать. Это было просто невозможно, ведь у родителей был такой категоричный тон. Они были убеждены: раз ребенок обманывает, значит, он задумал что-то плохое. Ребенок чувствовал их недоверие и не мог ничего объяснить.

Этот настрой родителей на заведомую испорченность их детей мешает не только подросткам общаться с ними свободно и искренне, но и самим родителям не дает понять, что проблема находится не там, где они ее ищут.

Возможно, герою из нашего примера было трудно сформулировать свою проблему даже для самого себя. Возможно, ему было чрезвычайно стыдно признаться в том, что он недостаточно смелый и недостаточно сильный и не может вынести позорного поражения в столкновении со старшеклассником. Согласитесь, есть вещи, в которых нам тоже бывает стыдно признаться.

Можно предположить, что причиной неверия детей в помощь и поддержку со стороны родителей является наследие нашего бездуховного прошлого, когда мнение начальства, общества, «мнение партии и правительства» были важнее, чем точка зрения собственного ребенка, и даже важнее собственных убеждений. Эта позиция, ставшая для нас привычной, сложилась в детстве, проведенном в условиях тоталитарного государства. «Директор всегда прав, да он и сильнее...» «С начальством не поспоришь...» Ребенок чувствует эту родительскую позицию, этот шаблон восприятия, и по-

нимает, что он проиграл. Как не по-человечески, а «по-партийному» выглядит ситуация, когда ребенок приходит и рассказывает маме с папой о том, что ему плохо, а родители занимают... сторону «дирекции»!

Однажды ко мне как к священнику пришла одна мама и рассказала: «Умоего ребенка конфликт с учительницей, и я не знаю, кому верить. У ребенка своя версия, у учителя своя. Что мне делать? Здравый смысл подсказывает, что нужно поддержать авторитет учителя. С другой стороны, сердце говорит, что я должна занять сторону моего ребенка и постараться разобраться в том, что случилось. Я вижу, что он не придумывает, говорит искренне. Как мне поступить?»

Я ответил ей: «Поступайте по-христиански – исходите из интересов слабой стороны».

Этот общий дух «корпоративности» взрослых против детей, эта круговая порука очень сильны. «Заговор сильных» вынуждает нас солидаризироваться с преподавателем, с директором, нам трудно противостоять этой системе. Как же помочь себе встать на сторону ребенка?

Подросток в этом возрасте вряд ли имеет далеко идущие планы затеять интригу, используя оговор или навет. И нет большой беды в том, что учительница, допустим, окажется уличенной в собственном непрофессионализме. Она взрослый человек, который сумеет сделать из случившегося необходимые выводы. Ущерб для взрослого в таком случае невелик, а ущерб для ребенка – максимальный. Подросток в дан-

ном случае – слабая сторона. Если мы не поддержим его сейчас, такой эпизод может привести к краху его веры в справедливость и разумность этого мира. Мы рискуем дать ребенку неверное указание на то, что начальник всегда прав.

Ребенок, играя, нечаянно разбил окно в классе. На шум пришла учительница. Она набросилась на мальчика с обвинениями. За несколько минут ребенок услышал от нее, что он хулиган, будущий преступник, разгильдяй и прочее... В отчаянии мальчик крикнул: «Вы – дура!» – и бросился бежать. Учительница вызвала в школу родителей.

Пришел папа. Он возместил ущерб, нанесенный школьному имуществу, а на обвинительный монолог учительницы сказал примерно следующее: «Вообще-то мой сын очень хороший парень. Да, разбил по нечаянности окно. Так я готов решить эту проблему. А то, что он вам нагрубил... Знаете, я взрослый человек и стараюсь быть вежливым, но даже я бы не выдержал, если бы услышал столько оскорблений, сколько вы ему высказали».

Мы не можем поставить перед собой задачу перевоспитать общество или учительницу. Но если ребенок почувствует, что родители поддерживают его, а не систему, перед которой он бесправен, он легче перенесет ее гнет, и школа станет для подростка еще и пространством радости. Можно даже не поднимать скандал, а предложить подростку: «Может, мы простим учителя? Взрослые иногда делают ошибки, и мы должны им эти ошибки прощать». Таким образом разруша-

ется монополия взрослых на правду.

Воровство

Случается, что родители подростков узнают о том, что их дети были замечены в воровстве.

В разговоре с ребенком, пойманным за этим недостойным занятием, не стоит возмущаться и объяснять, как ужасен его поступок. Прописные истины ему хорошо известны. Лучше предложить взамен: «Что тебе это дает? Раз у тебя есть такое желание, давай попробуем разобраться, откуда оно берется?»

Наша главная цель – сохранить контакт с ребенком. Только тогда он к нам прислушается. Кроме того, нужно выяснить, чем эта стратегия его обеспечивает, какую из его потребностей обслуживает. Как правило, человек выбирает лучшее из доступного. Раз ребенок ворует, значит, все остальные возможности удовлетворить свою потребность для него недоступны или он не умеет ими пользоваться. Попробуем разобраться.

Во-первых, кража дает переживание риска, предвкушение удачи, ожидание счастья, которые сами по себе приятны. Во-вторых, у ребенка появляется радость обладания: я приобрел нечто, вещь, которую хотел получить. Эта ситуация совсем не похожа на привычную: я попросил – и мне дали. Тут я выступаю не в пассивной роли маленького ребенка – нет, я сам добыл, «потрудился», совершив отчаянный поступок.

Здесь есть азарт добытчика и момент удачи. В-третьих, кража придает чувство уверенности в себе и самоуважения: я – смелый, сильный, я сделал и не струсил. В-четвертых, решительный поступок позволяет войти на равных в компанию приятелей, тех, кого подросток уважает и кем восхищается.

Разобравшись с плюсами, можно переходить к минусам. И первым в списке будет проблема – как пользоваться украденным? Скажем, случилась у ребенка такая «удача» – он вынес из магазина конструктор «Лего». Ну и где с ним играть? Принести домой нельзя – родные спросят: «Откуда?»

В другом случае подросток украл ноутбук и собирался его продать. Но покупатель дал за него не то сто, не то тысячу рублей и сказал: «А ну, пошел отсюда!» Доход тоже оказался очень сомнительным. Кража денег кажется более выгодным делом, но обладание ими тоже радует недолго. Сначала кажется, что ты богат. Но вот угостил всех приятелей чипсами – и снова денег нет, и вожаемая популярность оказалась временной.

Хочется подчеркнуть, что во всех описанных выше случаях речь идет о благополучных семьях и любящих родителей. И все же есть одно общее для этих семей обстоятельство: в них были младшие дети, и перенос внимания мамы и папы на маленького брата или сестру вызвал у старшего ребенка ощущение одиночества. Естественно, мнимого, потому что он не перестал интересоваться родителями, они не стали меньше о нем заботиться. И все же определенная «выключенность»

старшего ребенка из жизни родителей, которая проявляется в бесконечных мелочах и пустяках, приводит его к грустной мысли, что он стал лишним, ненужным. Бывает, однако, и наоборот: общение с ребенком движется «по инерции», родители говорят с ним не как с взрослеющим человеком, а по-детски сладко, игнорируя те вещи, которые его задевают и интересуют больше всего. В этой ситуации у человека тоже возникает ощущение, что его, реального, родители не хотят ни любить, ни понимать, с ним происходит что-то очень важное, а никто этого не замечает.

Клептоманию (воровство, которое не поддается самоконтролю) можно отнести к той же категории своеобразных «допингов», что и токсикоманию, курение, алкоголь. Клептомания влечет за собой более очевидные последствия, и в этом, как ни удивительно, ее плюс – сигнал тревоги виден сразу. Получив этот сигнал, мы можем отреагировать и исправить ситуацию. Все те печальные эксцессы и их последствия, которые обычно больше всего угнетают родителей, на самом деле – наши союзники. Главное – чтобы ребенок понял, что мы, взрослые, на его стороне, мы не против него, а за него.

Один уже взрослый человек рассказывал, как он, будучи подростком, с подачи старших приятелей залез в форточку общежития и стащил с подоконника сумочку одной студентки. В этой сумочке лежал паспорт, деньги, зачетка, студенческий билет и дорогие ее сердцу безделушки. Он хорошо помнил, как чувство, которое возникло у него в тот мо-

мент – чувство восторга, удали, – резко сменялось на горький стыд и сожаление о содеянном.

Зачем подростки врут

Подростки часто врут. Замечая это, взрослые обычно не скупятся на нравственные оценки. По их мнению, раз подросток начал врать, это значит, что он очень плохой, безнравственный человек. Так ли это?

Вранье подростков бывает разным. Оно может быть настолько незавуалированным, настолько неправдоподобным и нереалистичным, что ему никто не верит, не верит и сам подросток. Спрашивается: зачем тогда врет? Думается, что это особый тип бескорыстного вранья. В нем нет никакой утилитарности, выгоды, корысти. Это проявление светлого, творческого начала в подростке. Он не столько врет, сколько планирует, сочиняет, как бы предлагает свои версии развития того или иного события. Рассказывая какой-то случай, он его литературно украшает. И, конечно, было бы грубо и нехорошо сказать ему на это: «Все ты врешь». Или: «Ну ты и болтун!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.